Жан-Клод Мурлева

Джефферсон не сдается

Рисовала Вика Попова

Джефферсон

Жан-Клод Мурлева

Джефферсон не сдается

«Белая ворона/Albus corvus»

2024

Мурлева Ж.

Джефферсон не сдается / Ж. Мурлева — «Белая ворона/Albus corvus», 2024 — (Джефферсон)

ISBN 978-5-00114-568-4

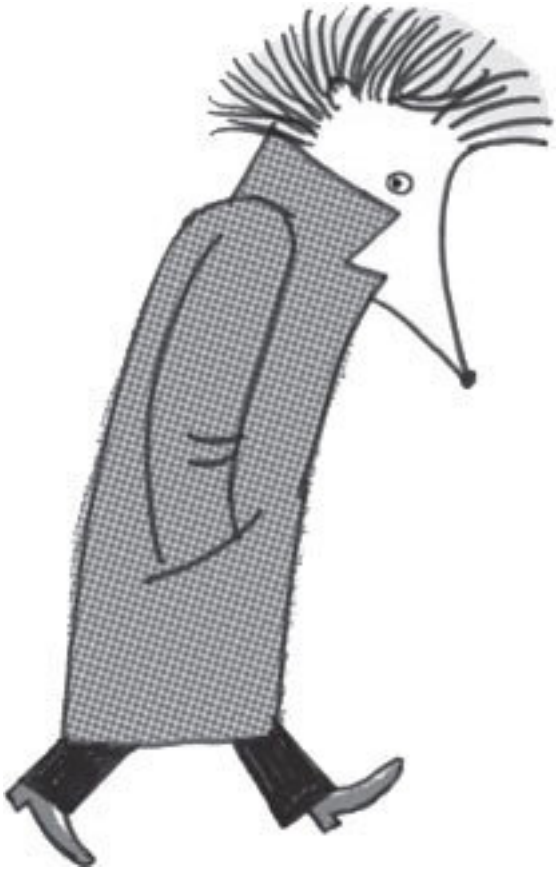
Еж Джефферсон – детектив-любитель. В новой книге Джефферсон и его друг свин Жильбер получают странную записку от знакомой крольчихи Симоны, которая просит проследить за домом, пока ее не будет. Чутье их не обмануло: Симона в опасности!

ISBN 978-5-00114-568-4

© Мурлева Ж., 2024
© Белая ворона/Albus corvus, 2024

Содержание

Предуведомление 6
1 8
2 13
3 16
4 23
5 29
6 35
Конец ознакомительного фрагмента. 38



Жан-Клод Мурлева
Джефферсон не сдается

Посвящаю Колин, которая разбирается в ежах

Рисовала Вика Попова

Jean-Claude Mourlevat
Jefferson fait de son mieux

© Gallimard Jeunesse, 2024
© В. Попова, иллюстрации, 2025
© Н. Шаховская, перевод на русский язык, 2024
© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2025

Предуведомление

Страна, в которой начинается эта история, населена животными, которые умеют говорить, ходят на двух ногах, носят одежду, умеют сварить спагетти и починить водонагреватель. Соседняя страна населена людьми, самыми умными из животных.

ПРОБЛЕМЫ С ОТОПЛЕ-
НИЕМ? ЖИЛЬБЕР!

1

Фургончик «рено», катившийся на скорости сорок пять километров в час под холодным дождем, несомненно, помнил еще генерала де Голля[1]. Машина немного кренилась на правый бок, кузов, изначально грязно-зеленый, держался на честном слове, а совершенно круглые фары выглядели как глаза какой-то печальной зверушки.

Сразу за автобусной остановкой фургончик свернул на отходящую влево грунтовку, по которой черепашьим шагом доехал до маленького домика. Шофер развернулся, чтобы можно было сразу отъехать, поставил машину на ручной тормоз и посигналил – раздалось сиплое, довольно смешное «хонк-хонк». Правый бок машины был весь разрисован красками самых кричащих цветов: красной, желтой, зеленой… Там был изображен веселый молодой свин в комбинезоне с гигантским разводным ключом наперевес. Над его головой разноцветными буквами было выведено:

«ПРОБЛЕМЫ С ОТОПЛЕНИЕМ? ЖИЛЬБЕР!»

И более мелко:

«Обогреватели, радиаторы, вентиляция…»

И ниже – номер телефона.

Что самое забавное – из кабины выпрыгнул свин, в точности такой, как на картинке, минус разводной ключ. Осторожно, не хлопая, прикрыл дверку, прорысил к домику и постучался. Он только что не приплясывал от радостного нетерпения.

– Джефф! Открывай!

Означенный Джефф не слышал, что и понятно: у него музыка грохотала так, что от басов стекла дрожали. Жильбер сразу определил, что это «Каба-рэп», кабанья рэп-группа, самая крутая в стране животных, – три отчаянные девчонки, азартные и неистощимые на выдумку. Их хит «Мы прошли по краю» со всем известным припевом:

На макушке щетина гребнем –
Мы не чушки, мы сестры вепрям! –

вошел в топ-лист «Десять лучших песен года».

– Открывай, Джефф! Это я! – Жильбер, выйдя из терпения, застучал в окно.

Музыка тут же смолкла, и через пару секунд в дверях появился Джефферсон. Это был молодой еж ростом около семидесяти сантиметров, то есть в человеческом интерьере он мог бы под стол пешком ходить. Жильбер был на пятнадцать сантиметров выше. Даже когда он был дома один, Джефферсон носил отутюженные брюки и элегантный пуловер в желтую и зеленую клетку, а свой хорошенький хохолок на макушке кокетливо закручивал налево с помощь геля.

[1] Шарль Андре Жозеф Мари де Голль (1890–1970) – первый президент Пятой республики, лидер французского Сопротивления. Один из самых выдающихся правителей Франции наряду с Наполеоном. – *Здесь и далее – примеч. ред.*

– Заходи.

– Не я «заходи», а ты выходи. Сюрприз!

Джефферсону стоило некоторого труда скрыть недовольство: он усиленно готовился к зачету, и нежданный визит друга пришелся совсем не кстати.

– Ладно. Обуюсь только.

Жильбер смотрел, как его друг переобувается, ставя по очереди ноги – правую, потом левую – на предназначенный для этого табурет, потом убирает на полку для обуви тапочки, которые собирается снова надеть через десять минут… Сам-то он, разуваясь, просто сбрыкивал с ног башмаки так, что они отлетали к противоположной стене, но Джефферсона давно перестал дразнить маньяком-аккуратистом. И сейчас в очередной раз ждал, не говоря ни слова, хотя внутри у него все кипело.

При виде драндулета, припаркованного перед домом, яркой картинки, а особенно столь же многообещающей, сколь незатейливой надписи: «Проблемы с отоплением? Жильбер!» – Джефферсон остолбенел.

– Знакомься: это Титина! – гордо объявил Жильбер.

– Твоя?

– Ну не моей же бабушки! И как тебе?

– Ты о росписи? Здорово. Это твоя сестра рисовала?

– Да. Скажи, впечатляет?

– Да, очень красиво. Но вот машина…

– А что машина?

Не мог же Джефферсон прямо сказать то, что подумал: развалюха, которой пора на металлолом.

– А… какой у нее пробег?

– Джефф, это очень невежливо – осведомляться о возрасте дамы. Немедленно извинись и залезай.

В кабине было на удивление тепло: хотя бы этим машина специалиста по отоплению могла похвастаться. Еще одно достоинство: мотор, который Жильбер не стал глушить, ровно (и громко) рокотал.

– Мотор шумит!

– А?

– МОТОР, ГОВОРЮ, ШУМИТ!

– Ну да, шумит! – рассмеялся Жильбер. – Значит, можно не сомневаться, что он есть!

Он напомнил, что права уже месяц как получил. А это маленькое чудо, которому и тридцати еще нет, ему подарили родители, а нашел для них Ролан – ну да, тот, что работает шофером у Баллардо и в машинах знает толк. На первый взгляд этот подарок может показаться немного ветхим…

«А на второй – тем более», – подумал Джефферсон, заметив пятно ржавчины на приборной доске.

– Это, к вашему сведению, не ржавчина, – назидательно изрек Жильбер, увидев, куда тот смотрит, – это коррозия.

Поскольку дождь припустил сильнее, он включил дворники, и Джефферсон не смог удержаться от смеха: одна щетка плавно скользила по ветровому стеклу, а другая двигалась рывками, словно вприпрыжку поспешая за старшей сестрой. Другой бы автовладелец мог и оскорбиться, но Жильбер был не из тех, кто упустит повод посмеяться, и вот уже оба в очередной раз закатывались, держась за бока. Такие приступы неудержимого смеха проходили пунктиром через всю их дружбу, еще с начальной школы. Случалось, их разбирало в самый неподходящий момент, и это было сильнее, чем страх перед наказанием. Которое и не заставляло себя ждать, – и, когда они стояли руки за спину, понурив повинные головы, главное было – не переглядываться, а то опять разберет.

У Жильбера свое дело! Джефферсон поймал себя на том, что завидует другу: больше никаких экзаменов, никаких отметок! Отучился три года – и вот у него есть профессия, он может зарабатывать, он свободен, сам себе хозяин. В ближайшем будущем, глядишь, женится, станет отцом семейства… Тогда как ему, Джефферсону, еще учиться и учиться, а что потом? География – это, конечно, очень увлекательно, но до окончания курса еще пять семестров, и то при условии, что он не завалит ни одного экзамена…

– Ладно, Жильбер, я пойду. У меня сессия, в понедельник первый экзамен, вздохнуть некогда. С утра ботаю.

– Ботаешь, как же! Под «Каба-рэп»?

– Ну и что? Сделал паузу. Зайдешь на кофе?

– Нет, я только машину хотел показать. Завернул по дороге: еду кое-то чинить тут неподалеку. А потом еще к одной клиентке – ты с ней, кстати, знаком. Симона – помнишь, была с нами в туре Баллардо?

Еще бы Джефферсону не помнить! Четыре года назад они с Жильбером записались на экскурсию в Вильбург в стране людей. Это был лучший способ тайно расследовать убийство добряка Эдгара, барсука, державшего парикмахерскую «Чик-Чик». Симона, долговязая молодая крольчиха, особа довольно унылая, прониклась к ним теплыми чувствами. Единственная из экскурсантов одиночка, она отличалась чрезвычайной привязчивостью, чтобы не сказать навязчивостью.

– А! Что ж, поцелуй ее за меня. Если с табуретки, то дотянешься. Потом расскажешь, нашла ли она себе мужа.

– Ну, учись, студент, я поехал!

Джефферсон выпрыгнул из машины и поспешил укрыться от дождя под козырьком крыльца. Он провожал глазами фургончик, пока тот не скрылся, дружески хонкнув на прощание. Посмотрел на часы: пять. Можно еще часок позаниматься, а там и ужин готовить.

Вернувшись к картографии Птолемея, умершего около 170 года нашей эры, он снова задумался: это ли настоящая жизнь? Может, лучше бы научиться, например, выращивать шампиньоны или ремонтировать велосипеды… Но уже через полчаса он с головой ушел в то, что было ему интересней всего на свете, и теперь не отвлекся бы, хоть в трубы труби у него над ухом.

Этот Птолемей, конечно, считал, что Земля совершенно неподвижна и находится в центре Вселенной, но, несмотря на эту маленькую промашку, сумел нарисовать великолепные карты, и не такие уж неправильные, если разобраться. А сохранились ли они в оригинале, чтобы можно было их увидеть по правде, а не на экране? И существуют ли еще более древние карты?

Джефферсон как раз все это выяснял, когда его телефон принялся ерзать и подпрыгивать на столе. Это вернуло его к действительности, заставив осознать, что уже полвосьмого, что глаза у него вываливаются, что он умирает от голода и что звонит ему Жильбер.

– Джефф! Скорей сюда!

– Куда? Что за спешка? Ты вообще где?

– У Симоны. Тут какая-то хрень.

– Что-что?

– Что-то не так. Приезжай.

– Куда? И на чем? У меня же машины нет.

– Велик возьми! От тебя досюда три-четыре километра. Езжай до пруда, перед ним свернешь направо, это будет третий дом, у него еще такие странные ставни.

– Жильбер, льет ведь как из ведра.

– Нет, дождь перестал.

Джефферсон глянул в окно и вынужден был признать, что дождя действительно нет.

– Ладно, еду.

– Быстрей давай!

Была середина февраля, а велосипедом он не пользовался с начала зимы. В город ходил пешком, а в дурную погоду ездил на автобусе. Джефферсон выкатил велосипед из сарайчика, где тот обычно спал три с лишним месяца, смахнул с него пыль, по-быстрому подкачал шины, проверил фонарь, вскочил в седло и погнал в сторону пруда, что есть сил крутя педали. Шоссе было мокрым, из-под колес летели брызги, и он выругался: брюки завтра придется стирать.

Вот и поворот. Он стал считать дома: один… второй… третий. Над входной дверью горел фонарь, и фасад был освещен. А, вот и «странные» ставни, левое окно на втором этаже. В самом деле, только они и бросались в глаза. На трех других окнах ставни были светло-бежевые, сильно облупившиеся, а на этом – красные. Видимо, Симона начала красить и бросила. Краска потекла, приставная лестница валялась у подножия стены, рядом банка краски и кисть.

Может, Симона упала и серьезно покалечилась? Но тогда Жильбер вызвал бы врача, а не студента-географа.

Джефферсон прислонил велосипед к почтовому ящику, на котором было написано просто «Симона» – с цветочком вместо «о».

Не успел он позвонить, дверь открыл очень бледный Жильбер, явно выбитый из колеи.

– Пойдем, это там.

У входа Джефферсон задержался, снимая промокшие башмаки. Жильбер говорил вполголоса и старался ступать бесшумно, что было совсем на него не похоже. Джефферсон, не на шутку встревоженный, следовал за ним, чувствуя, как душа уходит в пятки. Четыре года назад не кто иной, как он, обнаружил на полу парикмахерской безжизненное тело господина Эдгара с его собственными ножницами в груди, и долго не мог оправиться. Неужели этот кошмар повторится? Неужели Симона… убита? Зарезана и расчленена? Висит на крюке в стенном шкафу, как жена Синей Бороды? Задушена подушкой? Пристукнута пылесосом? Воображение Джефферсона неслось вскачь.

Путь их лежал через маленькую гостиную. Там царил образцовый порядок. На журнальном столике щипцы для орехов и плошка со скорлупками. Маленький телевизор на табурете, на нем газета с программой. На книжных полках – заботливо вставленные в рамочки фотографии из туристических поездок. На одной, как успел заметить Джефферсон, красовалась группа Баллардо в полном составе. Снимала, конечно, Роксана, которая была у них экскурсоводом. Симона, как самая высокая, стояла позади всех и улыбалась.

– Это в кабинете… – шепнул Жильбер, кивком указывая направление.

– Ты считаешь, это необходимо – чтобы я… – заикнулся было Джефферсон, у которого ноги подкашивались.

– Иди. Оно там, я оставил, где лежало…

Последняя фраза не оставляла места сомнениям. Джефферсон на грани обморока, с жалобным «Х-х-х… к-кр-р-ре-е-екс…» шагнул в кабинет мимо остановившегося в дверях друга – и увидел то, чего меньше всего ожидал, иначе говоря – ничего. Он недоуменно обернулся.

– Вон там, Джефф, на столе… Письмо.

Он подошел. Письменный стол был прибран. Слева ноутбук, выключенный и закрытый, справа стакан с разноцветным букетом ручек и карандашей. А посередине, на самом виду – два убористо исписанных листка А4. Письмо начиналось словами: «Дорогой Жильбер…» Джефферсон снова обернулся.

– Вообще-то, Джефф, это мне, но ты читай, разрешаю.

Джефферсон присел к столу и стал читать. Почерк у Симоны был мелкий, и на четыре страницы у него ушло несколько минут. Дочитав, он вынужден был снять очки и протереть глаза. Не будь здесь Жильбера, Джефферсон, пока читал, прослезился бы раза два как минимум, уж он-то себя знал.

– Ох, бедная, как мне ее жалко, – вздохнул он, вставая. – Понимаю твое состояние.

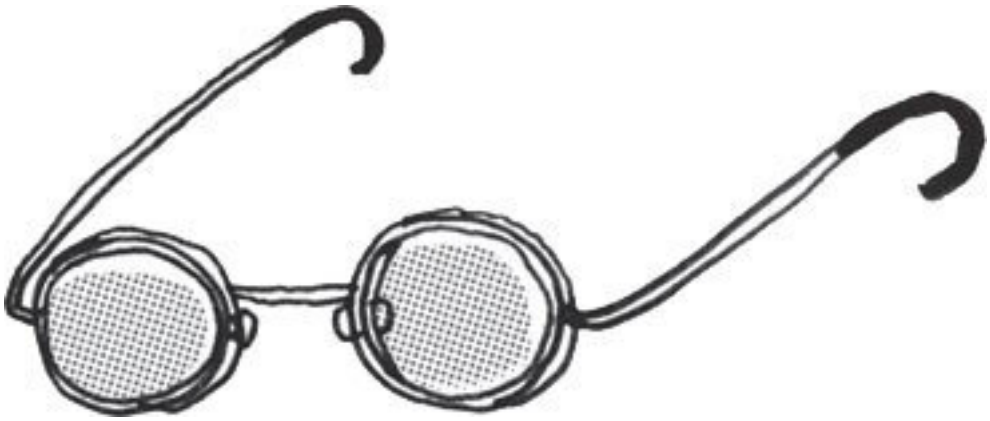
Жильбер, держась за живот, стоял в дверях кабинета, уже не просто бледный, а прямо-таки позеленевший.

– Ну да, – простонал он, – а еще я блинчиков поел у предыдущего клиента. Мне поставили полную салатницу сладких блинчиков, я их и таскал, пока ремонтировал бойлер.

– И много съел?

– Ох. Штук семнадцать, кажется.

2



Дорогой Жильбер!

Для начала простите мне маленький обман: у меня ничего чинить не надо. Всю зиму в гостиной было девятнадцать градусов, а в спальне шестнадцать, все радиаторы работают отлично, все в полном порядке. Или, вернее, не так: у меня все совсем не в порядке, но этого и самому лучшему теплотехнику не исправить.

Попробую объясниться, не раскисая от жалости к себе, бедняжке. Я очень рано лишилась родителей: они были уже в возрасте, когда я родилась, и оба – слабого здоровья, которое, впрочем, и я от них унаследовала. Знаете песенку: «там стреляет, здесь болит, не ангина, так колит…» Ну вот, это точно про меня. Пройдет боль в горле – в колено вступит, пройдет кашель – обмечет сыпью, или из носу потечет, или еще что-нибудь, и конца этому нет. И особенно плохо с суставами.

У меня нет ни дядюшек, ни тетушек, ни кузенов, ни кузин, ни дедушек, ни бабушек, ни братьев, ни сестер, ни племянников, ни племянниц. Такое впечатление, что я – последняя представительница какой-то тупиковой ветви эволюции, чахнущей от поколения к поколению, последний жалкий росток.

Но если нет семьи, есть же друзья! – скажете вы, и я так всегда и думала. Вот только – вы будете смеяться, но мне так и не удалось их обрести. Думаю, я всех отпугиваю. Я всем кажусь смешной, знаю, я ведь не идиотка. Подшучивают над моими длинными обвислыми ушами, над моими ногами-ходулями, над моей худобой, причем беззлобно, я к этому привыкла. Ко мне очень хорошо относятся, приветливо встречают, но это и все, понимаете? Наверное, я всех утомляю, слишком многого от них хочу.

А мне хотелось бы, чтобы я была не одна.

Куда я только не записывалась в надежде кого-нибудь встретить! Чем только не занималась: стретчинг, йога, цигун, китайский язык, кулинария; училась ездить на моноцикле, вязать морские узлы, фотографировать кувшинки, расписывать яйца… Если б существовали курсы резьбы по яблочным огрызкам, я бы и туда записалась. Ездила в экскурсионные туры раз двадцать, а то и больше, но все путешествуют по большей части парами, а одиночки – такие же никчемные, как я. Результат всегда один и тот же: одинокие вечера перед телевизором.

После нашей поездки в Вильбург четыре года назад я думала, что мы будем и дальше общаться – я имею в виду, мы, Баллардо. Столько вместе пережили! Не побоюсь сказать – это была самая прекрасная неделя в моей жизни. Особенно тот день, такой солнечный, когда мы гуляли втроем по старому городу – вы, ваш друг Джефферсон и я. Какой этот Джефферсон симпатичный! Немного слишком чувствительный и, пожалуй, ростом не вышел, но до чего же милый! Знаете, он меня совершенно очаровал, только, пожалуйста, ему не говорите. Признайтесь честно: в тот день вам было досадно, что я прицепилась к вам как пиявка, когда вы прекрасно обошлись бы без меня. А я – я любовалась вашей чудесной дружбой, но в то же время страдала, потому что знала: у меня такого никогда не будет.

Да, я и правда думала, что, вернувшись из поездки, мы продолжим встречаться, но нет, все ограничилось вечеринкой, когда мы смотрели фотографии. Вас, должно быть, удивляет, что я придаю такое большое значение той поездке и группе Баллардо, нашему прекрасному единению. Это потому, что после возвращения я почувствовала себя еще более одинокой. Вы все занялись чем-то своим. А я нет.

Следующие два года были для меня тяжелыми. Я по-прежнему работала на почте, но еще стала мастерить оригинальные украшения. И в один прекрасный день попробовала их продавать. И тут-то это и произошло…

Дорогой Жильбер, сегодня утром я покинула свой дом и не знаю, когда вернусь и вернусь ли вообще. Не могу вам сказать ни где я, ни с кем, ни чем занимаюсь. Я не уверена, что вы бы это одобрили. Во всяком случае, это тайна, извините.

В заключение обращаюсь к вам с просьбой: не согласитесь ли вы присматривать за моим домом, пока меня не будет? Чтобы трубы в мороз не полопались, чтобы не было протечек, ну и все такое. Прилагаю чек на ваше имя, проставьте в нем сумму, какая следует за эти услуги. Буду присылать такие чеки каждые полгода. Если же вы не захотите или не сможете взять на себя эту нагрузку, я пойму и не обижусь. А с домом будь что будет. Меня бы это больше заботило, если б в нем я была счастлива, но ведь не была. На прошлой неделе я хотела покрасить ставни, упала и больно ушиблась. Эта капля краски стала последней каплей; в тот день я приняла решение.

Пишу еще вот зачем: я не хочу уйти отсюда так же, как здесь жила, – так, что никто бы этого и не заметил.

Обнимаю вас, вашего друга Джефферсона и всех Баллардо.
Симона.

P. S. Пожалуйста, перед уходом выключите отопление. Я его оставила включенным, чтобы вы могли прочесть мое письмо в тепле, если вы и вправду его получили. И заприте дверь, а ключ оставьте в одном из старых башмаков, которые висят на гвозде в пристройке, слева от входа.

Заранее благодарна.

3

Всю следующую неделю Жильбер с Джефферсоном не виделись.

Первый горел на работе, едва урывая время на еду и сон. Он из кожи вон лез, чтобы двинуть свое дело, завоевывая клиентуру и репутацию. Тайной его мечтой было, чтобы о нем говорили: «Жильбер? Симпатяга, золотые руки, и ждать себя не заставляет!» Он не брезговал никакой работой. И на вызовы являлся действительно быстро. Не успевал клиент повесить трубку, как уже слышал «хонк-хонк» подъезжающей к дому Титины.

Джефферсон тоже света белого не видел со своими зачетами и экзаменами. Каждый день два будильника (один всегдашний, другой для подстраховки) поднимали его в шесть утра. В семь он садился в автобус, ехал в университет и весь день корпел в аудитории над очередным заданием вместе со своими однокурсниками. Под вечер возвращался домой с ощущением, что все написал не так и провалился. Немножко всплакнув, брал себя в руки и садился готовиться к следующему экзамену.

Но это не мешало как тому, так и другому что ни день возвращаться мыслями к Симоне, чаще всего вечером, отходя ко сну. Они не виделись с тех пор, как покинули ее дом, предварительно убрав лестницу, банку с краской и кисть, отключив отопление и электричество, заперев дверь и положив ключ в башмак, как она просила. Оба пытались не принимать случившееся близко к сердцу, но в исчезновении Симоны было что-то странное, настораживающее, и это не давало им покоя.

* * *

Только в субботу вечером им удалось встретиться в пиццерии «Везувио». Хозяином там был Марко, симпатичный жизнерадостный осел, всех без разбора называвший «шеф». Жильбер спросил его, найдется ли для них столик на двоих в тихом уголке, на что тот радостно заверил:

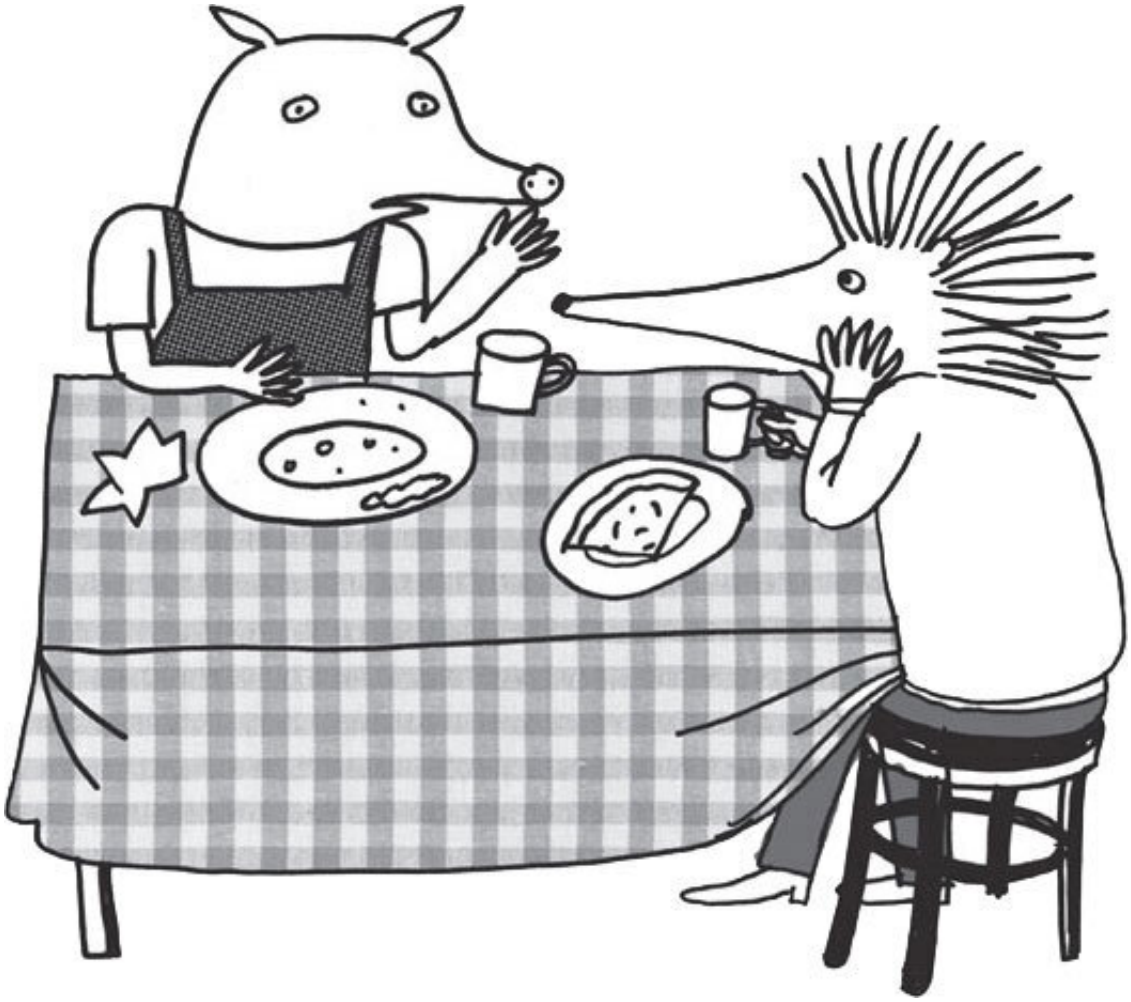
– Не вопрос, шеф! Как раз свободен столик для влюбленных!

Сперва говорили о своих делах: друзьям было чем поделиться. Жильбер уверял, что все у него замечательно, только он все время до смерти боится напортачить. Дошло до того, что ему приснилось, будто он устанавливает полы с подогревом у своего бывшего учителя (который вечно их наказывал), и вдруг по всему дому отовсюду принимается хлестать вода, даже из электрических розеток! Рассказывая, он так хохотал, что из-за всех столиков на них оборачивались.

Джефферсон – тот был настроен не так весело. Он не сомневался, что завалил сессию. В самой ответственной работе он спутал Словению со Словакией! Непростительный ляп. Результаты объявят через три недели, но он не тешит себя иллюзиями. Жильбер напомнил, что еще со школьных выпускных про каждый экзамен он думал, что завалил, а оказывалось, что отлично сдал. Все это так, признал Джефферсон, но на этот раз он точно погорел.

А дальше разговор неизбежно свернул на Симону. Жильбер снова во всех подробностях перебрал все с начала до конца: как он удивился, когда две недели назад от нее пришла эсэмэска – она-де увидела его фургончик, разъезжавший по округе (как видели его все, у кого есть глаза), и записала телефон. И спрашивала, не может ли он приехать, чтобы устранить небольшую поломку. И как он ответил, что может, а Симона оговорила, в какой день и час будет его ждать.

– И в тот день, когда ты должен был к ней приехать, она тебе написала в последний раз?



– Ну да. Я же тебе показывал сообщение. Вот, смотри:

«Дверь будет не заперта, просто входите».

Я еще подумал – странно как-то, ну да ладно. С тех пор ее телефон не отвечает. А в гостиной на журнальном столике лежала карточка со стрелкой – вот, я ее у себя нашел, смотри: «Пройдите в кабинет». Со стрелкой, как будто я сам бы не нашел дорогу! Тем более у Симоны всего три комнаты, не заблудишься. Не Версальский дворец.

– И ты туда пошел.

– Куда? В Версальский дворец?

– В кабинет.

– Пошел. По стрелке, как в игре «поиски клада». Игра, ха! У меня аж поджилки тряслись. Я потому-то на тебя и нагнал страху, когда ты приехал. Чтобы поровну.

– Спасибо.

– Не за что.

Марко сам принес им заказ: две пиццы с грибами, пиво для Жильбера и лимонад для Джефферсона. Откусили по куску, отхлебнули по глотку; молчание нарушил Джефферсон:

– Жильбер?

– Да, ежик, я тебя слушаю.

– Ты будешь присматривать за Симониным домом?

– Ясное дело, буду. Как же – она ведь мне доверилась, хотя почти меня не знает. И хотя ты ей больше нравишься, сама написала…

– Вот не надо! Ты представляешь – я и Симона? Я же ей по пояс!

Шутки шутками, а пора было вернуться к тому, что не давало им покоя, и начал на сей раз Жильбер:

– Вот скажи, Джефф, куда, по-твоему, Симона отправилась?

Джефферсон помотал головой:

– Ничего на ум не приходит. Родни у нее нет, друзей, к которым можно обратиться, нет, а она уезжает… А как она, кстати, уехала? Водительских прав у нее нет, помнишь, она говорила.

– Помню, говорила. Но перед домом я видел следы узких шин. Есть такие машинки, на которые не надо прав, – знаешь, маленькие такие букашки, которые едут не больше сорока километров в час[2].

– А, ну да, как твоя таратайка.

– Джефф, предупреждаю: говори что хочешь про мою сестру, про отца, про мать, но Титину не трожь! Между прочим, у нее крейсерская скорость – за шестьдесят, а можно и больше выжать!

Джефферсон из вежливости ограничился улыбкой и вернулся к главному вопросу:

– Больше всего меня смущает в этом письме вот что: «Я не уверена, что вы бы это одобрили». Там ведь так написано?

Жильбер вытащил сложенные листки из нагрудного кармана и проверил.

– Да, так: «Я не уверена, что вы бы это одобрили».

– Ну так вот, это литота.

– Ли – что – та?

– Литота. Такая риторическая фигура. Это если, например, про пятнадцатиградусный мороз сказать «не жарко». Преуменьшение, понимаешь? «Я не уверена, что вы бы это одобрили» на самом деле означает «я уверена, что вы бы это не одобрили». Короче, Симона сама знает, что решилась на что-то нехорошее. И мне это очень не нравится.

– Мне тоже не нравится, Джефф. И еще у меня совесть неспокойна – она на нас понадеялась тогда, четыре года назад, а мы надежд не оправдали. Кинули ее, что уж там… Так что мы можем для нее сделать, а?

Ответом было красноречивое молчание. У Джефферсона на этот счет не было никаких идей. Тут у него за спиной словно бы произошло перемещение воздушных масс, и чей-то мощный голос сотряс пиццерию:

– Это моя племянница! Вон та, слева, – она моя племянница!

– Вот тебе и на! – прошептал Жильбер. – Вальтер Шмитт с женой!

Джефферсон обернулся: так и есть. Пару, только что вошедшую в пиццерию, нельзя было не узнать. Эти корпулентные кабан и кабаниха тоже участвовали в незабываемом туре Баллардо – экскурсионной поездке, обернувшейся опасным приключением. Вальтер Шмитт, как все или почти все представители его породы, был этакий жизнерадостный здоровяк, мягко говоря, несколько бесцеремонный, с которым всякую минуту приходилось только гадать, что он еще выкинет. Нет, ну не до такой же степени! А вот и до такой! Его жена всегда первая же смеялась, хоть и пыталась одергивать его неубедительным «Дорогой, прекрати…».

---

[2] Во Франции, как и в других странах Европейского союза, есть так называемые автомобили без прав – маломощные и развивающие скорость не более 40 км/ч. Вопреки названию, чтобы управлять ими, разрешение на вождение требуется, но его можно получить после минимального курса обучения и с 14 лет.

Шмитт тыкал пальцем в афишу, наклеенную на витрину: «„Каба-рэп“ в концертном зале „Космос“». С припиской внизу: «Все билеты проданы».

– Еще бы не проданы! – торжествовал Вальтер Шмитт. – Они бы и три таких «Космоса» собрали! Да, вон та, что слева! В рваных джинсах! Она моя племянница!

Клиенты за столиками, которых он так громогласно призывал в свидетели, могли с чистой совестью засвидетельствовать, что кабан говорит правду. Юная рэп-звезда была до смешного похожа на своего дядю, это прямо-таки бросалось в глаза. То же таранное рыло, та же бьющая через край радость жизни и, можно не сомневаться, все задатки ходячего стихийного бедствия!

– Ее зовут Мари-Клод! Ей бы, правда, не понравилось, что я проговорился, выступает-то она под именем Язва. На афише вид у нее свирепый, но это у них фишка такая! А вообще она хорошая девочка, будьте уверены! А та, что справа, – Бумба! От слова «Бум» и слова «Бомба», вон оно как. Она сама мне растолковала. А которая в середине…

Речь оборвалась на полуслове: оратор узнал Жильбера и в буквальном смысле заткнулся. Впрочем, всего на минуту, а потом кинулся к нему с распростертыми объятиями:

– Кого я вижу! Жильбер, лопни мои глаза! Наш героический шофер! И миляга Вильямсон!

– Джефферсон, дорогой, – поправила его жена.

– А, ну конечно, Джефферсон! Что вы тут делаете?

– Да как бы вам сказать, – отвечал Жильбер, – вас это, возможно, удивит, но мы тут едим пиццу.

Удачно вышло, что столик был слишком мал, чтобы уместить еще два прибора, так что Шмиттам пришлось устроиться в другом конце зала. Вальтер, однако, успел прислонить к графину с водой свою визитную карточку и провозгласить:

– Надо будет нам как-нибудь собраться всей компанией! Да, надо, надо повидаться…

А Джефферсон, у которого был тонкий слух, расслышал, как он, отходя, говорил жене:

– Да, хорошо бы, только вот время где взять…

Джефферсон и Жильбер поостереглись упоминать о Симоне и ее исчезновении, но, едва избавившись от Шмиттов, вернулись к прерванному разговору.

– Скажи, Жильбер, тебе не кажется, что надо бы обратиться в полицию?

– В какую еще полицию? Тебя там на смех подымут. Симона совершеннолетняя, уехала добровольно. Десерт будешь?

– Э… да, пожалуй, возьму тирамису. А тебе? Может, дюжину блинчиков?

Жильбер расхохотался и изобразил, будто его тошнит.

– Нет уж, мне тоже тирамису.

– А если нам самим попробовать выяснить, куда она уехала, – продолжил Джефферсон. – Могли остаться какие-то зацепки, надо только…

– Обыскать ее дом? Даже не заикайся! Она мне доверила свой дом, чтоб я о нем заботился, а не чтоб рылся в ее пожитках! Так я понимаю моральный кодекс теплотехника, и с этим, мой мальчик, шутить не собираюсь!

* * *

Сессия окончилась, и первые дни двухнедельных каникул Джефферсон посвятил отдыху: отсыпался, читал детективы, решал кроссворды, готовил что-нибудь вкусненькое. Побывал пару раз в боулинге с товарищами-студентами, сделал генеральную уборку; заходила его сестра Челси с коробкой печенья собственного приготовления, которое они и умяли вдвоем до последней крошки, как, бывало, в детстве.

Установилась ясная холодная погода, и Джефферсон, хорошенько утеплившись, разъезжал на велосипеде по живописным окрестностям, раз за разом уклоняясь в сторону пруда. И в пятницу вечером за тарелкой спагетти он наконец вынужден был признать, что все эти дни на уме у него лишь одно – и вслух сказал самому себе:

– Иду туда. Завтра.

* * *

Дом выглядел таким же, каким они его оставили. Никаких признаков того, что кто-нибудь побывал там за последнее время. Джефферсон спрятал велосипед на задах, чтобы не светиться.

Жильбер был прав: на земле еще можно было различить следы шин. Джефферсон пригляделся: следы вели к гаражу. Или от гаража. Он представил себе, как Симона складывается втрое, втискиваясь в свою маленькую машинку, и отъезжает, одна-одинешенька, неведомо куда. Щемило ли у нее сердце? Оглянулась ли она хотя бы на прощание? Или уже оторвалась, радостно устремляясь к более светлому будущему?

«Какое же это, помнится, захватывающее дело – вести расследование», – подумал Джефферсон, направляясь к пристройке с видом, как он полагал, заправского сыщика. Открыл дверь и окинул взглядом свалку, загромождавшую все небольшое помещение: велосипед, полуразва-

лившееся массажное кресло, садовый столик с четырьмя пластиковыми стульями… Он пошарил в башмаке, висящем на гвозде, и достал ключ.

Когда он вставлял этот ключ в замок, у него холодело под ложечкой. «Что ж ты, Джефферсон, творишь?» – вопрошал внутренний голос. Чтобы не отступиться, он повторил доводы, которые сформулировал накануне: ты делаешь это ради нее… она в опасности… Да, он решил помочь ей, даже вопреки ее воле. А Жильбер пускай что хочет, то и думает!

Полдень едва миновал, времени до вечера сколько угодно – если ему и правда угодно. «Ну, ежик, вперед!» – подбодрил он себя и принялся за дело.

Начал он с того, что тщательно изучил все фотографии, расставленные на книжных полках и развешанные по стенам. Вильбургские были ему уже знакомы. Остальные по большей части относились тоже к разным поездкам. Ох уж эта Симона, в каких только далеких краях не засветила она свои обвислые уши и пришибленное выражение – вплоть до Азии, судя по всему! Много было походных снимков – Симона в разных пеших туристических маршрутах, с рюкзаком за спиной и палкой в руке; некоторые из этих фотографий были групповые. Джефферсон заметил, что одно и то же лицо (человеческое) фигурировало на них трижды, и обладательница его была в достаточно близких отношениях с Симоной, чтобы обнимать ее за плечи. Женщина, коротко стриженная, очень худая. Улыбка ее показалась Джефферсону деланой, даже, откровенно говоря, фальшивой. Эта особа внушала ему инстинктивную неприязнь. Джефферсон сфотографировал ее на телефон.

В кухне был всего один стул. Это говорило о многом: у Джефферсона-то, хоть он и жил один, их всегда было два – вдруг кто зайдет. А Симона и надеяться на это перестала.

В холодильнике было чисто и пусто, не считая баночки горчицы и пучка душистых трав. На дверце красовался магнитик с видом Вильбурга.

Дальше Джефферсон направился в спальню, повернул ручку, но какая-то робость сковала его, не давая переступить порог. Кровать была застелена, комод закрыт, занавески задернуты. Все дышало кропотливо соблюдаемым порядком, аккуратностью – и одиночеством.

На ночном столике он увидел фотографию в рамке: маленькая Симона – точнее, не маленькая (уже тогда), но малолетняя – с родителями, которых можно было принять за ее дедушку и бабушку. Все трое стояли, без улыбки уставясь в объектив. Симона цеплялась одной рукой за юбку матери, другой за рукав отца. На взгляд Джефферсона, вид у них был несчастный, но возможно, ему это просто показалось.

И наконец, кабинет. Почти пустой.

На невысокой офисной стойке теснились корешок к корешку картонные папки, не меньше дюжины. Джефферсон вытащил ту, на которой было написано «Крольбанк». Именно этот банк обслуживал кроликов в стране животных.

– Ну-ка, посмотрим… – тоном знатока обронил Джефферсон, усаживаясь, и поймал себя на мысли, что, возможно, заходит слишком далеко.

Судя по выпискам, Симона не часто пользовалась услугами банка. Небольшие поступления, небольшие расходы: жила она скромно. Удивление же вызывал более чем солидный баланс. Родители оставили Симоне в наследство не только слабое здоровье. Они позаботились, чтобы их единственное дитя не ведало нужды долгие годы. Кое-что, однако, насторожило Джефферсона и пробудило в нем любопытство: последние полгода со счета ежемесячно переводилось четыре тысячи зоокрон по адресу «Рсч Сомена». Сумма, прямо сказать, изрядная, примерно вдвое больше Симониной зарплаты. Это не могли быть выплаты по ипотеке или арендная плата за дом, поскольку он был законной собственностью Симоны. Тогда что? «Рсч» означало, разумеется, «расчетный счет». А «Сомена»? Запись Джефферсон тоже сфотографировал на всякий случай.

Он запер дом, сам не зная, продвинулся в расследовании или нет. Положил ключ в башмак, сел на велосипед и укатил.

4

– Слушай, это бред какой-то! Я положил ключ в левый башмак, а теперь он в правом! У меня же нет провалов в памяти, а такие вещи мне накрепко вбиты в башку. Право и лево – в моей профессии это помнишь автоматически. Когда вентиль надо поворачивать влево, я не поворачиваю его вправо. Кто-то побывал у Симоны и брал этот ключ, точно тебе говорю! Другого объяснения быть не может!

Чем больше горячился Жильбер по поводу загадки ключа и башмака, тем неуютнее чувствовал себя Джефферсон, вжимаясь в диван. Врать он не умел, и, когда врал, это сразу было видно по лицу; если бы Жильбер говорил не по телефону, а сидел напротив него, он и пытаться бы не стал.

– Да, – промямлил он, – наверняка это был кто-то, кому известно, куда Симона прячет ключ, а таких наверняка не сотня…

– Джефф, это ты туда лазил?

– Да нет же! Что ты несешь!

– Ты хотел, не отрицай.

– Да, но одно дело хотеть, а другое – сделать. Две большие разницы. Моральный кодекс, как ты выражаешься, у меня тоже есть…

От стыда Джефферсон готов был забиться, если б только мог, в свою кружку с какао. Он положил трубку, обещая себе, что скажет Жильберу правду. Только позже.

– Итак, что мы имеем? – Джефферсон принялся рассуждать вслух: это помогало чувствовать себя не маленьким пристыженным ежиком, а компетентным следователем.

Итак, два следа, на которые он, кажется, напал, пока никуда не вели. Что касается первого – не было никакого способа установить личность женщины, которая ему так не понравилась; а что касается второго – поиски загадочной «Сомены» в Сети не дали никаких результатов. Оставался один и только один способ разузнать побольше о Симоне и о том, что произошло в ее жизни в последние недели перед отъездом.

Если поторопиться, можно было успеть на автобус в 15:40. Джефферсон молниеносно оделся, проглотил, не присаживаясь, остаток какао и побежал со всех ног к остановке на шоссе. Он подоспел туда одновременно с автобусом, еле переводя дух.

– Уф! – сказал он шоферу, хотя тот ни о чем не спрашивал. – Повезло, что я успел вовремя: у меня важная встреча, связанная с уголовным расследованием.

«С враньем, – отметил про себя Джефферсон, – получается, должно быть, как у Жильбера с блинчиками: стоит начать, и уже не остановишься».

В городе было три почтовых отделения. В первых двух Джефферсон вытянул пустышку: никто там слыхом не слыхал ни о какой Симоне. Третье и последнее, самое маленькое, ютилось между прачечной самообслуживания и кондитерской. Раньше Джефферсон никогда сюда не заходил. Может, здесь она и работала?

Миновав тесный тамбур, он оказался перед стойкой, за которой сидели три операторши, все крольчихи. Надо сказать, что в стране животных у каждого вида от природы своя профессиональная ориентация. Так, доги, как правило, полицейские, кони – журналисты, барсуки – парикмахеры или преподаватели; почти все фотографы – коты, а если вы обращаетесь к врачу, в девяти случаях из десяти это оказывается баран или овца.

– Что вам угодно? – окликнула его крайняя слева. – Отправить письмо?

Джефферсон подошел и встал на приступочку, предназначенную для малорослых животных.

– Нет, мадам, я хотел…

– Потому что мы как раз получили очень красивые марки. С изображением разных музыкальных инструментов, вот посмотрите. Цена та же, что у обычных.

– Да, очень красивые, но я хотел только…

– Вот, видите, фортепьяно, труба, электрогитара, ха-ха-ха! Мой сын на ней играет, на электрогитаре, то есть если это называется играть… но громко, это да, ха-ха-ха! Так вы говорите, вам посылку получить?

– Нет-нет, я хотел…

– Потому что я не могу выдать вам посылку, если у вас нет при себе извещения. Извините, не могу. Разве что вы назовете номер почтового отправления…

– Нет, я не за посыл…

– А, вам нужно оформить смену адреса? Для этого, юноша, вы должны…

«Ладно, – сказал себе Джефферсон, – подожду, пока этот фонтан иссякнет сам собой. Должна же она когда-то остановиться». От нечего делать он поглядывал на двух ее соседок. Преимущественно на крайнюю справа. Это была молоденькая крольчиха с удивительно подвижной мордочкой, выражение которой менялось со сверхзвуковой скоростью: она смущенно улыбалась, недоуменно поднимала брови, недоверчиво морщила носик, заговорщицки подмигивала, то и дело сверкая острыми белыми резцами. Джефферсону она показалась столь же симпатичной, сколь забавной, и он пожалел, что обратился не к ней.

Когда он снова переключил внимание на несносную балаболку, та дошла до «как вам, несомненно, известно, пятнадцать плюс пятнадцать будет тридцать!» – а как дошла и о чем, собственно, речь, оставалось неизвестно. Джефферсон понял, что единственный выход – перебить ее, и плевать на вежливость: не торчать же ему тут весь вечер!

– Извините, мадам, но я хотел всего лишь узнать, работала ли здесь Симона.

Слова эти произвели эффект, какого он и вообразить не мог: разогнавшийся состав остановился на полном ходу. Крольчиха мгновенно окаменела. Стоп-кадр, немая сцена.

– Да.

– Вы хотите сказать – да, она здесь работала?

– Да.

Ладно, переходим от Ниагарского водопада к скупому «кап… кап…» подтекающего крана.

– А не знаете ли вы, где мне ее найти? Она моя хорошая знакомая, и…

– Нет.

– Ах, какая досада! Дело в том, что она уехала неожиданно, не сказав куда… понимаете… взяла и исчезла… может, вы знаете хотя бы…

– Не знаю.

– Но может быть, вы замечали какие-то перемены в ней за последнее время?

– Нет. Извините, за вами другие ждут своей очереди.

Джефферсон оглянулся. Упомянутые «другие», должно быть, приходились близкими родственниками Человеку-невидимке.

* * *

Выйдя на улицу, он, прежде чем отправиться восвояси, не устоял перед кондитерскими соблазнами соседней витрины – надо же было хоть как-то подсластить горечь разочарования. В лавке, поколебавшись между ромовой бабой и эклером, он остановил свой выбор на аппетитном слоеном пирожном.

– Вы бы взяли картонную тарелочку да поели тут, – посоветовала любезная курочка-продавщица, кивнув на маленький металлический столик. – А то у вас половина крема вытечет на тротуар.

Джефферсон охотно принял приглашение: курица, а знает толк в жизни. И вот он лакомился с удобством, растягивая удовольствие, и не подозревал, что в кои веки раз гурманство сослужит ему добрую службу. В самом деле, когда десять минут спустя он направлялся к автобусной остановке, утирая рот бумажной салфеткой, позади послышался топоток, и чей-то голос окликнул его:

– Сударь, а сударь, постойте…

И его догнала молоденькая крольчиха с почты.

– Извините, я как раз иду с работы, а тут вы, ну я и…

Ростом она была поменьше Симоны, но все равно на голову выше Джефферсона. Речь ее отличалась такой же нервной сумбурностью, как мимика.

– Мне надо вам кое-что сказать…

– Ну конечно! Насчет Симоны, да?

Она усердно закивала: да, да, да, вот именно.

– Может быть, удобнее будет поговорить в кафе? Разрешите вас пригласить?

Это предложение вызвало у собеседницы целую бурю эмоций, которые за считаные секунды попеременно отразились на ее подвижной мордочке: «ой, как здорово!», «ну что вы, как можно!», «ха-ха-ха, до чего прикольно!», «вот не ожидала!», «это самый прекрасный миг в моей жизни!», «нет-нет, не могу, мне так неловко!», «что вы сказали, я не расслышала?» и так далее. В конечном счете все это трепыхание разрешилось единственным «Ну хорошо».

В кафе было тихо, народу мало. Они заняли столик и заказали напитки, которые далеко не сразу принес пофигист-официант, утомленный жизнью осел.

– Так вот, понимаете, – начала почтмейстерша, – я слышала ваш разговор там, на почте.

– Разговор? Я-то не то чтобы разговаривал…

– Ха-ха-ха! У вас есть чувство юмора! Да уж, Эдит, она такая, слова не даст вставить.

– Да, я заметил. Так вы, значит, знаете Симону?

– Нет-нет, я ее и не видела никогда, я ведь пришла на ее место. Ее тогда уже не было.

Джефферсон не сумел скрыть своего разочарования, но юная крольчиха тут же вернула ему надежду:

– Я ее никогда не видела, зато уж и наслушалась же про нее! Ой, это было что-то! Эдит целую неделю только о ней и говорила, все уши прожужжала Франсуазе!

– Франсуазе?

– Ну да, это другая моя коллега, которая сидит между Эдит и мной.

– А, понятно; а вас, кстати, как зовут?

Вопрос этот снова привел в смятение впечатлительную почтмейстершу. Дыхание ее участилось, носик задергался – и всего-то чтобы вымолвить:

– Сюзетта. Меня зовут Сюзетта.

А потом, набравшись храбрости:

– А вас?

– Джефферсон, – ответил Джефферсон.

Поскольку волнению Сюзетты уже некуда было возрастать, она только рот разинула, да так, что Джефферсон мог бы причесываться, глядясь в ее резцы как в зеркало.

– Так вы, значит… так вы ТОТ САМЫЙ Джефферсон… дело парикмахерской «Чик-Чик»? Ой, я же вас обожаю! Как это я сразу вас не узнала по вашему хохолку!

Джефферсону пришлось подписать ей автограф, и еще один – для ее сестры. Восторгу не было предела.

– С вашего разрешения, – напомнил он наконец, – давайте вернемся к Симоне.

– Да-да, так вот, как я уже сказала, после ее исчезновения Эдит только о ней и говорила. С Франсуазой. Они шептались, но у меня, понимаете, очень хороший слух…

«Еще бы у тебя не было хорошего слуха!» – подумал Джефферсон, покосившись на ее длинные уши.

– Могу я предложить вам еще морковного сока?

То, что он узнал от Сюзетты в следующие несколько минут, повергло его в шок. Чего угодно мог бы он ожидать от Симоны – что она ушла в монастырь, что собралась принять участие в турнире по тяжелой атлетике, даже что она поступила в хеви-металлическую группу – чего угодно, но не такого!

В один прекрасный день Симона не вышла на работу, причем никого не предупредив. Это было в пятницу. В понедельник она не объявилась, равно как и во вторник и в последующие дни. Так что почтовое ведомство направило ей на замену Сюзетту, и та вступила в должность как раз тогда, когда Эдит изливала душу своей подруге Франсуазе. А Сюзетта, обладавшая тонким слухом, все слышала и все запомнила. И теперь разыгрывала этот диалог в лицах.

– Франсуаза, как ты есть моя подруга, я тебе скажу одну вещь, а то у меня так накипело, что того гляди разорвет: я знаю, куда умотала Симона, вернее, знаю с кем!

– Не может быть!

– Может! Кому и знать, как не мне, ведь эта дрянь сбежала с моим мужем!

– Не может быть!

– Может!

– С Родриго?

– С Родриго!

– Да откуда же ты знаешь?

– Я читала их любовную переписку: электронную почту, эсэмэски, письма! Он ей такое писал, чего я от него сроду не слыхала: твои милые ушки то, твоя нежная шерстка сё…

– Не может быть!

– Может! И она в долгу не оставалась: «О мой Родриго, позволь мне быть твоей Хименой, о мой Родриго, меня сводит с ума твоя мужественная фигура, твоя гордая осанка…»

– Ну надо же, вот ведь змея подколодная! А посмотреть – святоша, воды не замутит…

Джефферсон слушал, потеряв дар речи. До его сознания медленно доходило: Симона влюбилась в некоего Родриго и сбежала с ним. Жильберу она не решилась в этом признаться, потому что чувствовала себя виноватой – она ведь разбила семью. Что же касается Родриго, то, поглядев на его кошмарную супругу, удивляться стоило не тому, что он сбежал, а тому, что он не сбежал гораздо раньше!

В конце-то концов, возможно, эти двое были созданы друг для друга. Они решили бежать вместе, не оставив адреса, и начать жизнь с чистого листа: к чему бесконечные разбирательства, слезы, упреки? Раз дело обстоит так, значит, отпала необходимость искать и спасать Симону. Никакая опасность ей не грозит. Остается сказать «любовь вам да совет» и не лезть в ее личную жизнь.

Сюзетта после третьего стакана морковного сока отлучилась в туалет, а когда вернулась, Джефферсон, у которого все-таки оставались кое-какие сомнения, спросил:

– А скажите, Сюзетта, почему Эдит так твердо уверена, что это та самая Симона, ее сослуживица, увела у нее мужа?

– Ну что вы, Джефферсон! Они же оба исчезли одновременно. И потом, никакой другой крольчихи по имени Симона в городе нет.

Вот теперь Джефферсон окончательно успокоился. «Доброго пути тебе, Симона, – мысленно обратился он к ней. – Будь счастлива со своим возлюбленным, вознагради себя за годы одиночества. И может быть, пересадка пойдет на пользу твоему зачахшему фамильному древу, и скоро в довершение счастья ты станешь мамочкой».

Однако прежде чем распрощаться с Сюзеттой, он задал ей еще один вопрос:

– Вы, конечно, не знаете, куда они уехали?

– А вот и знаю! Как-то раз Эдит со злостью сказала Франсуазе: «Надеюсь, они себе все ноги там переломают! Оба!» И объяснила, что они наверняка сейчас на горнолыжном курорте, где у Родриго есть шале.

– А как называется это место, она сказала?

– Сказала, только я не совсем разобрала, чудное какое-то название – Гамбит, Гигабайт, что-то в этом роде…

Для Джефферсона это был пустой звук. Однако он все же записал в блокнот оба слова.

– Огромное вам спасибо, Сюзетта. Рад был с вами познакомиться.

– А уж я-то как рада! Когда я расскажу подружкам, что выпивала в кафе с ТЕМ САМЫМ Джефферсоном, они с ума сойдут!

Джефферсон оплатил счет, и они встали из-за стола.

– А кстати: Эдит – а фамилия у нее какая?

– Я полагаю, та же, что у ее мужа.

– А именно?

– Ой, фамилия у них самая кроличья, вы будете смеяться, – Кролль!

* * *

Водитель автобуса был тот же. Он узнал Джефферсона и, посмеиваясь, окликнул его:

– Ну как там уголовное расследование, продвигается?

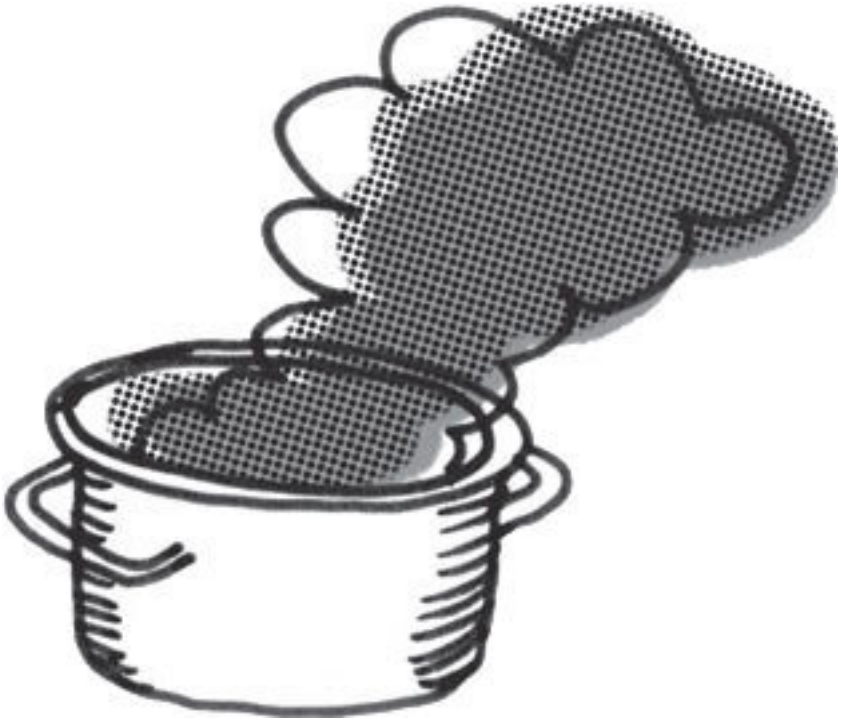
– Идет своим чередом, – сухо парировал Джефферсон и перебрался в дальний конец салона.

Поставив томиться на медленном огне похлебку с картошкой и луком-пореем, Джефферсон под ее умиротворяющее бульканье сел за стол и включил компьютер.

– Ну-ка, ну-ка, поглядим… – пробормотал он и набрал на клавиатуре запрос из тринадцати букв – Р-о-д-р-и-г-о К-р-о-л-л-ь. – Немного удачи, и…

Оторваться от экрана – почти через час – его заставил запах горелого. О похлебке можно было забыть, отскрести кастрюлю и пытаться не стоило. Он метнулся сперва к плите – выключить газ, потом к телефону:

– Жильбер! Скорей сюда!



5

– Чем это у тебя воняет? – еще в дверях спросил Жильбер.

– Ничем, просто похлебка пригорела. Сейчас рис сварю, будешь?

– Давай. Так что стряслось-то?

Джефферсон поведал о походе на почту, скромно гордясь своим открытием, потом усадил Жильбера перед компьютером.

– Не торопись. Все прочитай. Фотографии посмотри.

Минут двадцать Жильбер изучал все, что имелось в Сети на Родриго Кролля, размечая чтение такими знаками препинания, как «ни фига себе», «ого!», «ну и ну!», а когда не хватало слов, хмыкал, хрюкал, присвистывал или корчил рожи. Просмотрев все до конца, кратко резюмировал:

– Да уж, тот еще фрукт.

Впечатляло прежде всего количество размещенных в сети фотографий; и наименьшее, что можно было сказать, – что красавец-кролик обожает выставлять себя напоказ. Вот он, обнаженный до пояса, танцует с бокалом коктейля в руке, очевидно в ночном клубе; а вот – в том же виде, но на пляже в окружении прелестных наяд; вот он поет караоке, а вот он на горных лыжах, а вот позирует, облокотясь на навороченный внедорожник цвета морской волны, или качает мышцы в тренажерном зале. Короче, самореклама на всю катушку.

– Ну как Симону угораздило втюриться в этого эксгибициониста? – сокрушенно вздохнул Джефферсон. – Как-то на нее не похоже.

– Наивный ты, Джефф! Это закон природы. Девчонки только говорят «какой милый, как он мне нравится», а на шею-то вешаются красавчикам. Видал, какой он весь из себя, этот Родриго? Хоть в кино снимай. И про него-то не скажешь, что ростом не вышел! С такой внешностью только пальчиком помани – любую подцепишь. Вот я на своем примере могу сказать…

– Ладно, ладно, Жильбер, поверю тебе на слово… А вот что ты сейчас еще говорил?

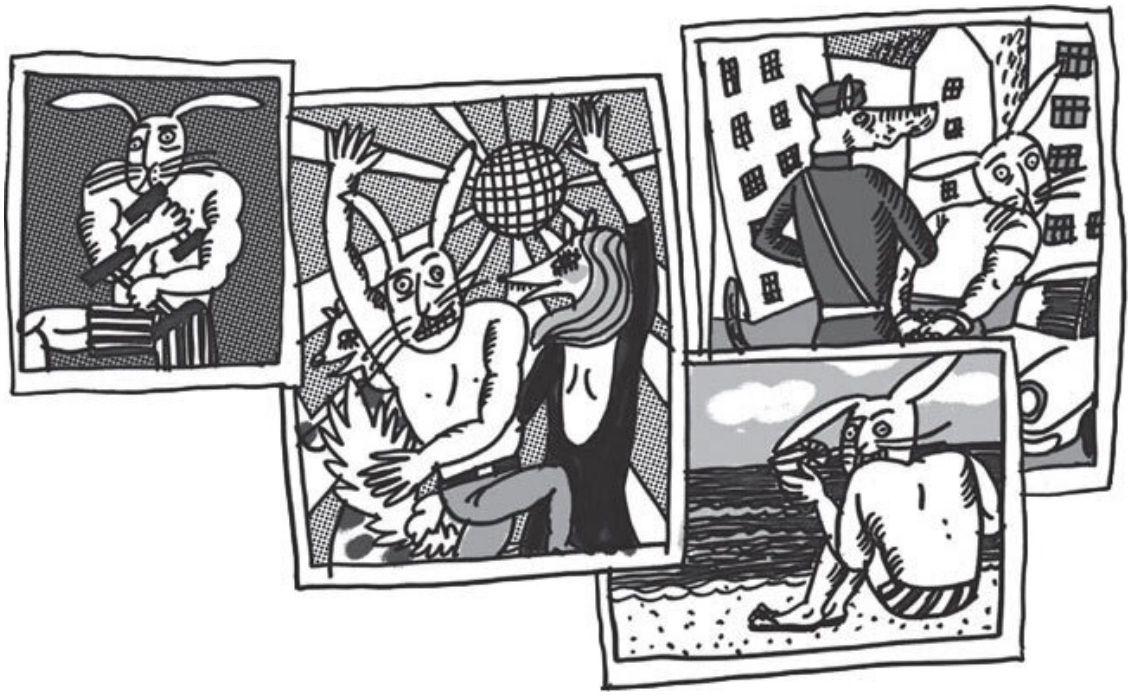
– Это насчет чего?

– Насчет «ростом не вышел»?

– Ничего не говорил.

– А, значит, мне послышалось.

Одна из фотографий была по-настоящему пугающей: Родриго Кролль в наручниках между двумя догами-полицейскими, держащийся тем не менее с обычной вызывающей самоуверенностью. Даже в этой ситуации не таков он был, чтобы прятать в воротник от объектива свою фотогеничную физиономию. Объяснение этому снимку легко было найти, ознакомившись с «послужным списком» центрального персонажа.



Свою карьеру он начал лет пятнадцать назад с уличных краж и угона машин, за которыми последовало разбойное нападение, обошедшееся ему в несколько лет тюрьмы. Не очень долгий срок не очень его и угомонил. Он успешно переквалифицировался в мошенники. Обвинялся, в частности, в том, что обольщал дам и девиц-крольчих и обдирал их как липку, а потом бросал, как обглоданную кость. На этом Родриго специализировался, и гениальность его комбинаций состояла в том, что в них не было абсолютно ничего противозаконного, поскольку грабеж совершался с согласия жертв.

– Ишь, волк в овечьей шкуре (то есть, пардон, в кроличьей). А эти дуры – вот ведь не зря говорят, что любовь ослепляет! – рассуждал Жильбер. – У миленочка может быть хоть сорок убийств на совести, а они верят, что его, бедняжку, оболгали. Как под гипнозом, честное слово! Джефф, боюсь, наша Симона связалась с очень опасным типом.

– Да, ты прав, и медлить нельзя. Надо заявить в полицию.

– Да ну тебя с твоей полицией! Говорю тебе, они и не чухнутся. Мы должны с этим сами разобраться. Один раз, если помнишь, мы это уже проделывали!

Джефферсон помнил – еще бы! Тогда они даже руководили операцией.

Между тем рис сварился. И не подгорел.

– Одно только в эту историю не вписывается, – проворчал Жильбер, накрывая на стол.

– Что именно?

– То, что у Симоны брать-то нечего, она не богатая. По крайней мере, насколько мне известно.

Последовала пауза, недолгая, но, по ощущению Джефферсона, нескончаемая. Ему хватило бы двух секунд, чтобы просветить друга: «Ошибаешься, Симона богатая». На что Жильбер тут же отреагировал бы: «А ты откуда знаешь?» И Джефферсону пришлось бы признаться… Он предпочел сменить тему:

– Хочешь к рису томатный соус?

– Хочу, – послушно переключился Жильбер, – а если у тебя есть еще и тертый сыр, тоже не откажусь

Некоторое время они ели молча, как вдруг Жильбер со стуком бросил вилку.

– Слушай, Джефф. Не хочу тебя пугать, но я думаю, Симона не просто в опасности – она в смертельной опасности.

– Что ты такое говоришь?

– Ты слышал.

– Но почему? Может, ты и не хочешь меня пугать, но уже напугал.

– Я тут посматриваю иногда по телику одну передачу. Знаешь, что-то вроде криминальной хроники… Так вот, в прошлый раз там говорили про типа, который наживался на страховках своих жертв.

– Ничего не понимаю. Какие такие страховки?

– Все очень просто. У тебя есть кто-то, кого ты любишь и хочешь обеспечить. Тогда ты страхуешь свою жизнь, оформляя страховку на него, и выплачиваешь страховой компании энную сумму каждый месяц. А когда ты помрешь, то он получит кучу денег.

– Ну… вообще-то это неплохо… Благородно. И тому, кто пережил утрату, хоть какое-то утешение.

– Да, конечно, в принципе дело хорошее. А ну как то лицо, в пользу которого ты застраховался, сочтет, что ты слишком долго не помираешь, и найдет способ это дело ускорить?

– Ты хочешь сказать…

– Да, хочу сказать. И я уверен, что Кролль собирается проделать такую штуку с Симоной. Убьет ее так, чтобы это сошло за несчастный случай, огребет бабло и отправится загорать на какой-нибудь райский остров, как на тех фотках!

Джефферсона пробрала дрожь. Сумма, ежемесячно снимавшаяся со счета Симоны, всплыла у него перед глазами, мигая, как вывеска казино в Лас-Вегасе. На сей раз молчать он не мог. Надо было признаваться. Прямо сейчас.

– Послушай, Жильбер. Должен тебе сказать…

– Молчи, Джефф. Я знаю, что ты скажешь. Что я драматизирую, что воображаю самое худшее… Но я уверен, что прав! Симона в руках негодяя, который замышляет недоброе. Надо действовать, причем быстро! Беда в том, что мы не знаем, где они!

– Я, может быть, знаю, – сказал Джефферсон, прикрыв глаза с умудренным, как ему представлялось, видом.

– Знаешь?

– Да, то есть почти. Сюзетта дала мне одну наводку, пришло время тебе рассказать. Компоту?

– Чего?

– Компот будешь? С печеньем?

* * *

У Джефферсона была подробная карта автомобильных дорог. Они расстелили ее на кухонном столе, сдвинув в сторону остатки трапезы. Задача перед ними стояла нелегкая: в стране животных было множество лыжных курортов, а название Сюзетта толком не расслышала. Они поделили карту на секторы и тщательно изучали каждый, прежде чем перейти к следующему. Это была медленная и кропотливая работа. Гамбит, гигабайт… Ничего похожего все не попадалось. Как вдруг Жильбер ткнул пальцем в маленькую деревушку у северной границы:

– Гибетт! Что скажешь, толстяк?

– Скажу, что это, должно быть, то самое! Погоди.

Джефферсон позвонил Сюзетте, и она подтвердила.

– Да, точно! – Юная почтмейстерша радовалась как дитя. – Гибетт! Правильно, Гибетт! А я вам как сказала? Гамбит? Гигабайт? Ха-ха-ха! А это Гибетт! Но ведь похоже, правда? Ха-ха-ха! Вот смех-то!

Джефферсон еще раз поблагодарил ее за помощь в расследовании и пообещал держать в курсе.

А вот Жильбер не смеялся.

– Горы! А что я говорил! Идеальное место для убийства, замаскированного под несчастный случай! Он – опытный горнолыжник, а Симона, зуб даю, ничего в этом не смыслит. Он заводит ее куда-нибудь повыше, подальше, где никто не увидит, указывает ей на смертельно опасный спуск, который заранее присмотрел, и говорит – вот тут и съезжай, никакого риска. А она ему слепо доверяет, сказал – значит, вперед. И срывается в расщелину. А он, подождав

сколько-то времени и убедившись, что она не выберется, спускается, бьет тревогу, изображает отчаяние, объясняет, что пытался ее остановить, кричал ей «не туда, не туда», а она не услышала – в шлеме была, ветер, ну и все такое… Спасатели до нее добираются, но уже поздно. Родриго проливает крокодиловы слезы, клянется, что не утешится до конца дней своих, а сам втихомолку потирает руки. Получает денежки по страховке – и сваливает загорать на солнышке. Обделал дельце, и все шито-крыто.

Джефферсон слушал и содрогался. Он представлял себе Симону в пропасти, всю переломанную, умирающую. Умирающую в одиночестве, как жила. У него сердце кровью обливалось.

– Надеюсь, она хоть не мучилась, – простонал он, еле сдерживая слезы.

– Ау, ежик, притормози: может, это пока еще не случилось!

– Ах да, конечно, но ты так красочно описываешь…

Одно было ясно: медлить нельзя. Каждый час на счету. Кролль наверняка не собирался особо затягивать фальшивый медовый месяц с таким ярмом на шее, как Симона. Так что надо было вырвать несчастную из его грязных лап, и как можно скорее, пока не случилось непоправимое.

У Джефферсона еще оставалось несколько дней до конца каникул, и он готов был в путь хоть сейчас. Жильберу было труднее. Его клиенты уже привыкли видеть в нем безотказного спасителя, и обзвонить их всех, объясняя, что он собрался махнуть на недельку в горы, было задачей повышенной сложности. Ну и пусть! Что важнее – ремонтировать бойлеры или спасать чью-то жизнь?

Они изучили маршрут, прикинули расстояние до Гибетта: примерно 260 километров; дороги, сперва более или менее прямые, потом начинали зигзагами подниматься в гору; круче всего был подъем перед самым курортом.

– Четыре часа пути, считая с остановками, – определил Жильбер.

«Шесть», – мысленно перевел Джефферсон, однако выразить эту мысль вслух поостерегся.

– А твоя машина выдержит?

– Выдержит ли Титина?! Сомневаться изволите? Титина, если надо, довезет на край света! На Аляску, в пустыню Тенере, в долины Туркмении, на высоты…

– Ладно-ладно, верю. Я просто спросил.

Выезжать решили на следующий день в десять утра и составили список всего, что надо будет взять с собой: два надувных матраса, два спальных мешка, теплая одежда, сандвичи, чтобы перекусить в дороге, фонарик (с запасом батареек), дорожная аптечка, веревка, нож… Последние пункты списка лишний раз напомнили им, что в конце пути их ждут не радости зимних каникул, а вполне реальные опасности.

* * *

– Ну, доберемся туда, а как мы их будем искать? – беспокоился Джефферсон. – Допустим, найдем, но надо же исхитриться поговорить с Симоной, чтоб не услышал Родриго, а как? И что мы ей скажем? Думаешь, она выслушает нас и так прямо за нами пойдет? А если придется драться – нас, конечно, двое, но ты уверен, что мы с ним справимся?

Жильбер проявил высшую мудрость, ответив на все пять вопросов всего тремя словами:

– Там видно будет.

6

Ровно в десять Джефферсон услышал сиплое «хонк-хонк» Титины, которая разворачивалась перед его домом.

Веселый и бодрый Жильбер открыл заднюю правую дверь:

– Гляди сюда, напарник! Я тут установил дополнительное сиденье для Симоны. Списанное кресло из кинотеатра, за пятнадцать крон прикупил. Ей в нем будет удобно.

Внутри все инструменты, трубы, контейнеры с болтами и гайками были распиханы по боковым полкам, так что на жестяном полу, расчищенном от профессионального оборудования, места было достаточно, чтобы разложить два надувных матраса.

Джефферсон запер дом, а ключ спрятал в руль своего велосипеда. Потом закинул вещи в салон и устроился на пассажирском сиденье, набитом, как ему показалось, персиковыми косточками. А ехать-то долго…

В машине Жильбера излишеств не наблюдалось: ни радио, ни гидроусилителя, ни GPS, ни кондиционера. Приборная доска умиляла своей примитивностью. Одометр навечно зафиксировал пробег в восемнадцать (!) километров – явное преуменьшение.

Жильбер свято соблюдал правила дорожного движения, так же как неписаные законы этикета по отношению к другим водителям. Вел он машину крайне деликатно, щадя свою дряхлую Титину, которая в благодарность старалась как могла. В урчании ее мотора было что-то упрямое и внушающее доверие, какая-то явная добрая воля. Джефферсон подумал: «Они похожи друг на друга, у них прямо родство душ».

Словно в подтверждение, Жильбер рассмеялся:

– Титина веселого нрава: до этого она долго возила музыкантов по балам со всем их реквизитом. Верно я говорю, Титина?

Он нажал на клаксон.

– Видишь, она говорит «да»!

Только когда город остался позади, они начали разрабатывать план действий.

– Первая задача – найти шале, – сказал Джефферсон. – Будем высматривать машинку Симоны, вряд ли таких много на этом курорте…

– Да, а потом надо придумать, как с ней связаться незаметно для Родриго… Если они друг от друга не отлипают, это будет не так-то просто.

– Еще бы. Если б только можно было ей позвонить, условиться о встрече – но ты говоришь, она на звонки не отвечает…

– Ага. Абонент недоступен.

– Тогда я предлагаю вот что! – объявил Джефферсон, доставая из кармана блокнот и ручку.

– Что ты делаешь?

– Я напишу Симоне – объясню, в чем мы подозреваем Родриго, какая ей грозит опасность и так далее. Таким образом, если не удастся с ней поговорить, мы все-таки сможем ее предостеречь.

Жильбер был не против, и следующие два часа они составляли текст. То был нешуточный конфликт стилей. По большей части Жильбер предлагал свой вариант, а Джефферсон его смягчал, развивая ту же мысль более дипломатично. Например: «Разуй глаза: этот скользкий гад роет тебе яму!» – превращалось в: «Взгляни на вещи трезво, подумай, не аферист ли тот, кому ты доверилась, не скрывает ли он свои истинные намерения». Или дальше: из «Симона, очнись, твоему Родриго нужна не ты, а твои бабки!» получилось: «У Родриго, несомненно, есть корыстный интерес, имей это в виду». А еще дальше: «Он тебя замочит, Симона! Замочит, поняла?» – в отредактированном виде выглядело как «Симона, берегись: мы думаем, ты в опасности!».

Они отложили на потом сочинение заключительной части, в которой надо было оговорить техническую сторону бегства. Потому что да, они собирались увезти Симону, чего бы это ни стоило.

Остановились на полчаса передохнуть, заправиться, размять ноги, съесть свои сандвичи, потом двинулись дальше на север.

Спустя недолгое время глазам их предстали горы с убеленными снегом вершинами. А потом они свернули на более узкую дорогу, и та витками пошла на подъем. Температура упала на несколько градусов. Жильбер включил печку, отчего поначалу крепко запахло горелой пылью. Но скоро по салону распространилось благодатное тепло. Титина храбро одолевала подъем, пусть даже на скорости меньше тридцати километров в час. Песнь ее мотора зато стала

выше на целую октаву, и путешественникам приходилось перекрикиваться, чтобы услышать друг друга. Через несколько километров, собрав за собой хвост из восьми машин, Жильбер прижался к обочине, чтобы дать им проехать. Эту процедуру пришлось периодически повторять.

Нестерпимо медленно наматывались километры, и Титина все чаще выказывала признаки усталости. Когда, к огромному своему облегчению, они увидели указатель: «ГИБЕТТ: 1 км», на приборной доске загорелся зловещий красный огонек.

– Это ничего, – проворчал Жильбер, – просто небольшой перегрев. Сразу при въезде остановимся.

Он свернул влево, на круто уходящую вниз улицу, и припарковался у правого тротуара, не без радости оставив руль после семи часов езды.

Курорт в этот час представлял собой довольно оживленную картину. Среди отдыхающих преобладали, естественно, животные, но попадались в немалом количестве и люди, привлеченные сравнительно низкими ценами и, возможно, экзотическим составом населения. Джефферсон счел, что не стоит привлекать к себе внимание, расспрашивая встречных, не знают ли они некоего Родриго Кролля. Решили лучше побродить, высматривая, не стоит ли перед каким-нибудь шале машинка Симоны. Это не дало никаких результатов, и, когда стемнело, они вернулись к Титине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.